

ЖУРНАЛЪ
СЕР 26 1890

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ.

ЛІТЕРАТУРЫ.

ДВАДЦАТЬ-ПЯТЫЙ ГОДЪ. — КНИГА 9-я.

СЕНТЯБРЬ, 1890.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 9-я. — СЕНТЯБРЬ, 1890.

Стр.

I.—ГУСТАВЪ IV И ЕКАТЕРИНА II въ 1796 г.—II.—Прѣбываніе Густава IV въ Петербургѣ.—III.—Святотство.—А. Г. Брякнера	5
II.—ДОВАНОВЩИНА.—Часть первая.—XXI—XXVI.—Часть вторая.—I—II.—В. Шилова	34
III.—РЕФОРМА ГИМНАЗІЙ ВЪ ШВЕЦИИ.—Антоня Окольекаго	86
IV.—МОНГОЛЬСКОЕ СКАЗАНИЕ О ГЭСЭРЪ-ХАНѢ.—По вопросу о происхожденіи русскихъ былинъ.—Г. И. Потаинна	121
V.—СЕКРЕТАРЬ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА.—Очеркъ.—И. Потаенко	159
VI.—КЕМБРИДЖСКИЙ УПИВЕРСИТЕТЪ.—Очеркъ.—I.—А. А. Клейбера	214
VII.—СОНЕТЫ ШЕКСПИРА.—Ф. Червннскаго	238
VIII.—ОСОБАЯ ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—По поводу книги О. Огоновскаго.—А. И. Цыпьяна	241
IX.—ПОДЪ ИРОМЪ СТРАСТЕЙ.—Романъ Ричарда Ашкннга.—XVI—XXII.—Съ авгайскаго.—А. Э.	275
X.—ВОПРОСЫ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ.—I.—Д. Слонимскаго	321
XI.—С. Т. АКСАКОВЪ.—А. В.—на	340
XII.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Распространеніе круга дѣйствій положенія о земскихъ начальникахъ.—Есть ли существенная разница между земскимъ начальникомъ и городскимъ судьей?—Новыя распоряженія, касающіяся церковныхъ школъ.—Заковъ о заочномъ разбирательствѣ, уставъ дворянскаго земельного банка и другія законодательныя мѣры послѣдняго времени.—Графъ М. X. Рейтеръ †	353
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Политическое значеніе путешествій Вильгельма II.—Газетные толки по поводу пребыванія его въ Россіи.—Международное положеніе Германіи.—Особенности нынѣшней нѣмецкой политики.—Принципы князя Бисмарка и его преемниковъ.—Соглашенія по африканскимъ дѣламъ и ихъ значеніе.—Перемяна въ политическомъ настроеніи нѣмецкаго общества.—Нѣмецкая социальная демократія и нынѣшній ея кризисъ.—Англійскія дѣла	373
XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Всеобщая исторія литературы (В. Ф. Корша), подъ редакціей А. И. Кирпичникова, вып. XXIV.—Протестанство и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій, Д. Цвѣтаева.—Русскій народный музыкальный инструментъ. Историческій очеркъ Ал. Фаминцина.—Записки Восточно-Сибирскаго отдѣла И. Р. Геогр. Общества: Сказанія бурята; Верхоянскій сборникъ.—А. В.—Новыя книги и брошюры	385
XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—First Bismarck, 1815—1890. Vom Professor Wilhelm Müller, Dritte Auflage. Stuttgart.—II.—Die Reform der Presse. von Dr. I. G. Weiss. Karlsruhe.—III.—Die Unvereinbarkeit des socialistischen Zukunftsstaates mit der menschlichen Natur. Von Dr. W. Schaefer.—I. C.	401
XVI.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Новая погудка на старый ладъ.—„Либерализмъ“, какъ источникъ всѣхъ возможныхъ золъ.—Три различныхъ взгляда на настроеніе современнаго русскаго общества.—Новыя свѣденія о мстиславской исторіи.—Еврей въ одесскомъ исправительномъ пріютѣ.—И. В. Альбертинъ †	408
XVII.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Объ изданіи этнографическаго журнала „Живая Старина“	423
XVIII.—ВНЕПОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.—Изь лекцій П. Г. Рѣдкина. Т. IV.—Эминггаузъ. Пенсильскія разстройства въ дѣтскомъ возрастѣ. Пер. съ нѣм. В. Ф. Якубовичъ.—Эрико Ферри. Преступленія и преступники въ наукѣ и жизни. Переводъ съ итальянскаго.—Организація прямого обложженія въ московскомъ государствѣ со времени смуты до эпохи преобразованій. А. Лаппо-Данилевскаго.—Государственное хозяйство Швеции Эдуарда Беренатса.—Иллюстрированный словарь, вып. 12. Изд. Л. Симонова.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Подписка на годъ, полугодіе и четверть года въ 1890 г.
(См. подробное объявленіе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

С. Т. АКСАКОВЪ

о

ГОГОЛЪ.

— „Исторія моего знакомства съ Гоголемъ“. Со включеніемъ всей переписки съ 1832 по 1852 годъ. Сочиненіе С. Т. Аксакова. (Р. Архивъ, 1890, кн. 8).

С. Т. Аксаковъ былъ одинъ изъ людей наиболѣе близкихъ къ Гоголю. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ его „другомъ“: дружба есть чувство взаимное, но взаимности въ обыкновенномъ смыслѣ слова здѣсь не было. Аксаковъ замѣчаетъ въ одномъ мѣстѣ, что у Гоголя вообще не было друзей, т.-е. людей къ нему горячо расположенныхъ, которымъ онъ самъ отвѣчалъ бы равной степенью расположенія и искренности. Всегда скрытный, онъ не довѣрялся вполнѣ, кажется, никому; но не могъ онъ оставаться и равнодушнымъ къ той горячей привязанности, какую встрѣчалъ со стороны многихъ близкихъ ему лицъ, и отвѣчалъ на нее извѣстнымъ болѣе или менѣе теплымъ расположеніемъ: въ числѣ такихъ лицъ были особенно старикъ Аксаковъ и его семья. Не многіе конечно относились къ Гоголю такъ сердечно, такъ просто и глубоко благожелательно, какъ семья Аксаковыхъ, и особенно глава этой семьи; Гоголь чувствовалъ себя здѣсь какъ дома; С. Т. Аксаковъ, съ самаго начала величайшій почитатель произведеній Гоголя, цѣнилъ въ немъ гениальное дарованіе и съ самой искренней тревогой переживалъ нравственныя и писательскія заботы Гоголя, сопровождавшія его съ первыхъ шаговъ его

творчества и до конца. С. Т. Аксаковъ еще не былъ тогда знаменитымъ авторомъ „Семейной хроники“, но извѣстенъ былъ въ московскихъ литературныхъ кругахъ, гдѣ онъ имѣлъ давнія дружескія связи, какъ просвѣщенный человѣкъ и высокій характеръ. Гоголь познакомился съ нимъ еще въ самую первую пору своей литературной дѣятельности, въ 1832 году; цѣлыхъ двадцать лѣтъ С. Т. Аксаковъ зналъ Гоголя; послѣдній видался постоянно, иногда каждодневно, съ Аксаковыми, когда живалъ въ Москвѣ, велъ съ ними дѣятельную переписку, когда отсутствовалъ; въ нему здѣсь привязаны были всѣ: кромѣ Аксакова-отца онъ встрѣчалъ расположеніе къ себѣ и отъ госпожи Аксаковой, и отъ дѣтей; Константинъ Аксаковъ былъ однимъ изъ самыхъ пламенныхъ почитателей, какихъ только имѣлъ Гоголь,—а онъ имѣлъ ихъ много. Не было двухъ характеровъ болѣе несходныхъ, даже противоположныхъ, чѣмъ Гоголь и С. Т. Аксаковъ: способный глубоко увлекаться поэтическими интересами и потому какъ юноша восторгавшійся произведеніями Гоголя, обширное значеніе которыхъ было, кажется, понятно ему съ самаго начала не менѣе, чѣмъ почитателямъ Гоголя въ молодомъ поколѣніи, С. Т. Аксаковъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми мистическими сторонами, какія рано появляются въ характерѣ и мысляхъ Гоголя. Это былъ, напротивъ, человѣкъ здраваго, реальнаго ума, смотрѣвшій на жизнь какъ она есть, умѣвшій найти и понять ея поэзію, но твердо стоявшій на землѣ; онъ могъ оцѣнить чужое религиозное настроеніе, но самъ говорилъ о себѣ, что онъ „плохой христіанинъ“, и религиозность, принимавшая мистическія и фантастическія формы, была ему непонятна и несочувственна. Какъ ни любилъ онъ Гоголя, онъ сохранялъ всегда извѣстное критическое отношеніе къ его мистическимъ настроеніямъ и не поддакивалъ Гоголю, какъ многіе другіе. По всему этому становятся по истинѣ драгоценными воспоминанія о Гоголѣ такого человѣка, какъ С. Т. Аксаковъ.

По смерти Гоголя, которая поразила его не столько какъ личная потеря, сколько какъ потеря общественная, С. Т. Аксаковъ счелъ своей обязанностью собрать свои воспоминанія о Гоголѣ; онъ полагалъ, что эта обязанность лежитъ и на всѣхъ тѣхъ, кто былъ съ нимъ близокъ, чтобы сохранить точныя свѣденія о писателѣ, имѣющемъ такое высокое значеніе въ нашей литературѣ. Онъ говоритъ въ предисловіи: „Исторія знакомства моего съ Гоголемъ, еще вполне не оконченная мною, писана была не для печати, или по крайней мѣрѣ для печати по прошествіи многихъ десятковъ лѣтъ, когда уже никого изъ выведенныхъ въ

ней лицъ давно не будетъ на свѣтѣ, когда цензура сдѣляется свободною или вовсе упразднится, когда русское общество привыкнетъ въ этой свободѣ и отложитъ ту щекотливость, ту подозрительную раздражительность, которая теперь болѣе всякой цензуры мѣшаетъ говорить откровенно, даже о давнопрошедшемъ. Я печатно предлагалъ всѣмъ друзьямъ и людямъ, коротко знавшимъ Гоголя, написать вполнѣ искренніе рассказы своего знакомства съ нимъ и такимъ образомъ оставить будущимъ біографамъ достовѣрные матеріалы для составленія полной и правдивой біографіи великаго писателя. Это была бы, по моему мнѣнію, истинная услуга исторіи русской литературы и потомству. Не знаю, принято ли кѣмъ нибудь мое предложеніе, но я почти исполнилъ свое намѣреніе".—Свои воспоминанія, судя по словамъ предисловія, С. Т. Аксаковъ началъ писать въ 1856 году, черезъ четыре года по смерти Гоголя.

Къ сожалѣнію, однако, предложеніе его не было принято никѣмъ изъ людей, близкихъ къ Гоголю: это были Жуковский, Плетневъ, Шевыревъ, Погдинъ, кн. Вяземскій, не говоря о другихъ лицахъ, менѣе извѣстныхъ, и никто изъ нихъ не далъ о Гоголѣ своихъ воспоминаній, между тѣмъ какъ ихъ показанія были бы чрезвычайно важны для той цѣли, какую имѣлъ въ виду С. Т. Аксаковъ. Не мудрено, что независимо и отъ условій цензурныхъ дѣло біографіи Гоголя стояло въ нашей литературѣ очень странно. Первый біографъ, г. Кулишъ, какъ извѣстно, вовсе не зналъ Гоголя лично; его сужденія бывали преувеличены и непоследовательны; но ему по крайней мѣрѣ принадлежитъ большая заслуга, что онъ, во-первыхъ, набросалъ первый цѣльный очеркъ біографіи и сдѣлалъ извѣстное изданіе сочиненій Гоголя, гдѣ въ первый и донинѣ единственный разъ собрана была его переписка, составляющая для біографіи драгоцѣннѣйшій матеріалъ. Близость времени, а также и цензурныя условія сдѣлали то, что эта переписка осталась крайне затемнена отсутствіемъ собственныхъ именъ лицъ, съ которыми Гоголь былъ въ сношеніяхъ или о которыхъ упоминалъ въ своихъ письмахъ. Эти лица обозначались въ изданіи г. Кулиша загадочными буквами, истолкованіе которыхъ сдѣлано было только недавно г. Шенрокомъ, работающимъ теперь съ такимъ усердіемъ надъ собираніемъ матеріала для біографіи Гоголя. Со времени появленія книги г. Кулиша и донинѣ не было сдѣлано никакой другой попытки изложенія этой біографіи. Отъ времени до времени появлялись одни отрывочные матеріалы для нея въ видѣ писемъ, отдѣльныхъ анекдотическихъ воспоминаній, и только въ послѣдніе годы стали по-

являться въ значительномъ изобиліи новыя письма Гоголя и письма къ нему, эпизодическія подробности объ его отношеніяхъ въ разнымъ близкимъ къ нему лицамъ, изслѣдованія о томъ, какъ создавались его различныя произведенія (какъ, напр., изслѣдованія г. Тихонравова о „Ревизорѣ“ и комментарий къ другимъ его произведеніямъ въ послѣднемъ, 10-мъ изданіи Гоголя). Такимъ образомъ теперь, почти черезъ сорокъ лѣтъ по смерти Гоголя, еще только собирается матеріалъ для его биографіи; но уже нѣтъ голоса живыхъ свидѣтелей и кромѣ С. Т. Аксакова не осталось о немъ воспоминаній людей наиболѣе къ нему близкихъ. Говорятъ обыкновенно, что близость времени затрудняетъ составленіе биографіи, когда еще живы и дѣйствуютъ ближайшіе современники и со товарищи писателя; но и отдаленность времени вовсе не составляетъ удобства, когда ближайшіе свидѣтели не оставили своихъ показаній,—какъ это всего чаще бываетъ въ нашей литературѣ.

Понятно, какой глубокой интересъ получаютъ при этомъ воспоминанія С. Т. Аксакова, особливо при томъ личномъ отношеніи къ Гоголю, какое мы указывали и при глубокой искренности и прямотѣ автора этихъ воспоминаній. Задача изобразить характеръ Гоголя была весьма не легкая. Отношенія, какъ мы замѣтили, были съ двухъ сторонъ очень неровныя: если со стороны С. Т. Аксакова была очевидно прямая, открытая и глубокая привязанность, то Гоголь такою открытостью вовсе не отличался. Въслѣдствіи онъ сознавался самому Аксакову, что не былъ даже съ нимъ искрененъ и откровененъ, какъ не былъ повидимому ни съ кѣмъ. Аксаковъ, кажется, долго не могъ понять этой черты Гоголя и ему нужно было потомъ придумывать психологическія объясненія, чтобы растолковать самому себѣ и другимъ проявленія этого страннаго характера. Другихъ эта скрытность, нерѣдко переходившая въ неправдивость, явную уклончивость, иногда крайне раздражала, наприм. Погодина, который не скрывалъ своихъ впечатлѣній и выражалъ ихъ довольно грубо; Аксаковъ старался примирять вспышки его раздраженія, объясняя, что вѣроятно исключительная натура Гоголя надѣлена особливо чувствительными нервами, которые дѣлаютъ его непохожимъ на другихъ людей. Когда давно уже, гораздо ранѣ выхода перваго тома „Мертвыхъ душъ“, въ Гоголѣ стали ясно сказываться задатки его религіозно-мистическаго настроенія, которое не оставляло его и до конца дней, С. Т. Аксаковъ пришелъ въ новое недоумѣніе. По складу его собственныхъ мыслей ему это настроеніе было непонятно и казалось ненормальнымъ. Когда Гоголь распространилъ и на Аксакова овладѣвшую имъ страсть поучать и со-

вѣтовалъ читать Оому Кемпійскаго, — какъ обыкновенно, по извѣстному рецепту (читать по одной главѣ въ день, или если глава большая, то половину главы, и затѣмъ предаться размышленіямъ), — Аксаковъ пришелъ въ настоящее раздраженіе и между прочимъ извѣщалъ Гоголя, что зналъ Оому Кемпійскаго, когда Гоголь еще не родился. Главное, что тревожило Аксакова, было то, что въ новомъ настроеніи Гоголя онъ предвидѣлъ великую опасность — упадка дарованія, въ чемъ онъ въ концѣ концовъ и не ошибся. Впослѣдствіи, когда Гоголь переносилъ ту дѣйствительно невыносимую внутреннюю борьбу своихъ христіанскихъ стремленій и задачъ, какія онъ ставилъ своей литературной дѣятельности, Аксакову это состояніе Гоголя казалось именно мучительнымъ стремленіемъ спасти погибавшій талантъ, который не повиновался новымъ запросамъ писателя. Появленіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ наполнило Аксакова величайшей тревогой и негодованіемъ. Изданіе держалось въ секретѣ: оно исполнялось петербургскими друзьями Гоголя; Аксаковъ узналъ о немъ стороною, до него дошли слухи о характерѣ книги, нѣкоторыя подробности стали ему извѣстны, и онъ пытался остановить печатаніе книги, которую считалъ невозможной. Книга однако вышла, и Аксаковъ отнесся къ ней такъ же, какъ отнеслись и другіе страстные проверженцы Гоголя, много, болѣе молодого поколѣнія и иныхъ взглядовъ. Извѣстно, какія тяжелыя испытанія пришло перенести Гоголю, когда онъ видѣлъ негодованіе, возбужденное книгой даже въ людяхъ, которые были его величайшими почитателями. Онъ былъ удрученъ; повидимому понималъ, сколько было въ книгѣ излишняго, ошибочнаго и высокоумѣрнаго; но затѣмъ имъ снова овладѣвала самонадѣянность. Не давая прямыхъ отвѣтовъ на тѣ возраженія, какія ему дѣлали, онъ говоритъ только, что всѣ могутъ ошибаться, что, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ ошибаются и тѣ, кто на него нападаетъ, а затѣмъ опять возвращается на прежнее, говоритъ о высшихъ внушеніяхъ, о душевномъ дѣлѣ, которое лежитъ на немъ, о пользѣ испытаній и т. д. Однажды эта проповѣдь подѣйствовала на самого Аксакова. Въ любопытномъ письмѣ къ Гоголю онъ изображаетъ свое собственное душевное настроеніе, въ которомъ боролись между собою два чловека: одинъ — прежній, обыкновенный Аксаковъ, который возстаетъ противъ мистическихъ умствованій, противъ преувеличенной религіозности, и другой, который начинаетъ думать, что есть эта высшая сфера религіознаго чувства, что она не только имѣетъ свое право, но и должна господствовать надъ обычной мелочной жизнью и ея логикой. Чрез-

вычайно любопытенъ разсказъ о первой встрѣчѣ Аксакова съ Гоголемъ, когда послѣдній вернулся, наконецъ, въ Россію, послѣ шестилѣтняго отсутствія и когда однажды Гоголь неожиданно предложилъ прочесть въ семействѣ Аксакова отрывокъ изъ „Мертвыхъ Душъ“. Сначала думали, что Гоголь, читавшій, какъ извѣстно, мастерски, хотѣлъ прочесть что-нибудь изъ перваго тома; всѣ были поражены и особенно С. Т. Аксаковъ, когда оказалось, что Гоголь хотѣлъ прочесть изъ второй части, никому до тѣхъ поръ неизвѣстной. С. Т. Аксаковъ не могъ скрыть своего волненія, которое, кажется, почувствовалъ и Гоголь; предстояло увидѣть: сохранился ли прежній могущественный талантъ, за судьбу котораго Аксаковъ такъ боялся. Чтеніе привело слушателей въ восторгъ; Аксаковъ успокоился въ своихъ опасеніяхъ, хотя послѣ сознавался, что при этомъ чтеніи онъ старался „подбодрить“ свои впечатлѣнія; сдѣланы были, однако, нѣкоторыя замѣчанія, которыми Гоголь воспользовался; послѣ онъ читалъ опять Аксакову ту же главу изъ второй части—она показалась Аксакову еще лучше. Собственно говоря, надо было въ самомъ дѣлѣ „подбодрить“ впечатлѣнія, чтобы увидѣть во второй части тотъ же самый талантъ; въ дѣйствительности, въ той же мѣрѣ его не было. Когда въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни Гоголь жилъ въ Москвѣ, Аксаковъ не видѣлъ его,—онъ жилъ тогда въ своемъ имѣніи Абрамцовѣ; но Гоголя видала семья Аксаковыхъ и въ письмахъ его дочери сохранились нѣкоторыя подробности о Гоголѣ въ послѣдніе дни его жизни. Какъ мы сказали, смерть Гоголя поразила Аксакова, какъ великая общественная потеря. Передъ концомъ С. Т. Аксаковъ убѣдился въ главномъ — въ полной искренности Гоголя. По его смерти Аксаковъ написалъ небольшую статью, посвященную объясненію и апологіи характера Гоголя, какъ чловека, и впоследствии въ болѣе развитомъ видѣ онъ повторилъ эту апологію и приглашалъ здѣсь лицъ, близко знавшихъ Гоголя, собрать о немъ свои воспоминанія.

Въ этихъ рамкахъ заключается разсказъ С. Т. Аксакова и собранные имъ матеріалы. Самый разсказъ остался, въ сожалѣнію, неконченнымъ: онъ доведенъ только до послѣднихъ мѣсяцевъ 1843 года (стр. 1—117 настоящей книги); издатель (г. Н. М. Павловъ) продолжилъ разсказъ (стр. 117—206) сообщеніемъ матеріаловъ, какіе были собраны Аксаковымъ для этой работы и здѣсь только связаны объяснительными примѣчаніями издателя. Эти матеріалы заключаются въ подлинныхъ письмахъ Аксакова къ Гоголю и Гоголя къ нему до 1852 года; въ выдержкахъ изъ дневника старшей дочери С. Т. Аксакова, Вѣры Сергѣевны, изъ писемъ

ея и другихъ лицъ, гдѣ есть относящіяся къ Гоголю свѣденія; въ черновыхъ наброскахъ самого С. Т. Аксакова, предназначавшихся для той же работы, въ перепискѣ по поводу смерти Гоголя. Надо жалѣть, что этотъ трудъ остался недовершенъ самимъ С. Т. Аксаковымъ, потому что, безъ сомнѣнія, излагая самъ сношенія съ Гоголемъ въ послѣдній годъ его жизни, онъ сосредоточилъ бы факты въ болѣе полную характеристику Гоголя, чѣмъ та, какую можно теперь извлечь изъ его труда. Но во всякомъ случаѣ и въ настоящемъ видѣ воспоминанія исполнены величайшаго интереса. Нѣчто изъ этихъ воспоминаній и писемъ Аксакова сообщалъ г. Кулишу, когда послѣдній занятъ былъ составленіемъ біографіи Гоголя; теперь воспоминанія рассказаны несравненно подробнѣе, а письма Гоголя и самого Аксакова приведены сполна.

Для будущаго біографа Гоголя здѣсь найдутся въ изобиліи любопытныя черты его характера и его психологическихъ состояній. Первое знакомство С. Т. Аксакова съ Гоголемъ произошло еще въ 1832 году, когда Погодинъ неожиданно привезъ его въ домъ Аксаковыхъ. Гоголь былъ еще только авторомъ „Вечеровъ на хуторѣ близъ Диваньки“; книга была уже прочтена и всѣ ею восхищались, такъ что появленіе Гоголя было принято съ удовольствіемъ, хотя на первый разъ въ знакомствѣ была какая-то неловкость. „Наружный видъ Гоголя былъ тогда совершенно другой и невыгодный для него: хохолъ на головѣ, гладко подстриженные височки, выбритые усы и подбородокъ, большіе и крѣпко накрахмаленные воротнички придавали совсѣмъ другую фیزیюнію его лицу: намъ повезало, что въ немъ было что-то хохлатое и плутоватое. Въ платьѣ Гоголя примѣтна была претензія на щегольство“. Константину Аксакову, который встрѣтилъ Гоголя съ большою пылкостью, также „не понравились манеры Гоголя, который произвелъ на всѣхъ безъ исключенія невыгодное, несимпатичное впечатлѣніе“. Гоголь уже успѣлъ ему сказать, что онъ „былъ прежде толстякъ, а теперь боленъ“. Черезъ нѣсколько дней С. Т. Аксаковъ опять увидѣлся съ Гоголемъ: „Я обратился къ нему съ искренними похвалами его Диванькѣ; но видно слова мои показались ему обыкновенными комплиментами, и онъ принялъ ихъ очень сухо. Вообще въ немъ было что-то отталкивающее, не допускавшее меня до искренняго увлеченія и изліянія, къ которымъ я способенъ до излишества... Онъ удивилъ меня тѣмъ, что началъ жаловаться на свои болѣзни (я не зналъ тогда, что онъ говорилъ объ этомъ Константину) и сказалъ даже, что боленъ неизлечимо. Смотря на него изумленными и недоувѣрчивыми глазами, потому что онъ казался здоровымъ, я спросилъ

его: „Да чѣмъ же вы больны?“ Онъ отвѣчалъ неопредѣленно и сказалъ, что причина болѣзни его находится въ вѣшкахъ“. Вообще впечатлѣнія перваго личнаго знакомства были непріятныя, но уже тогда Гоголь съ другой стороны произвелъ на Аксакова большое впечатлѣніе. Въ разговорѣ о тогдашней литературѣ Аксаковъ „легкомысленно“ замѣтилъ, что у насъ писать не о чемъ, что наша жизнь пуста и однообразна. „Гоголь посмотрѣлъ на меня какъ-то значительно и сказалъ, что „это неправда, что комизмъ кроется вездѣ, что живя посреди него, мы его не видимъ; но что если художникъ перенесетъ его въ искусство, на сцену, то мы же сами надъ собой будемъ валяться со смѣху и будемъ дивиться, что прежде не замѣчали его“. Можетъ быть, онъ выразился не совсѣмъ такими словами; но мысль была точно та. Я былъ ею озадаченъ, особенно потому, что никакъ не ожидалъ ее услышать отъ Гоголя. Изъ послѣдующихъ словъ я замѣтилъ, что русская комедія его сильно занимала и что у него есть свой оригинальный взглядъ на нее“.

Болѣе близкія отношенія начались черезъ два года, въ 1834, когда Гоголь успѣлъ уже издать „Миргородъ“ и „Арабески“, когда были уже написаны „Старосвѣтскіе помѣщики“ и „Тарась Бульба“. Съ перваго свиданія въ этотъ прїездъ Гоголя въ Москву, отношенія его къ Аксаковымъ были гораздо болѣе дружескими; они полагали, что Гоголь вѣроятно наслушался отъ Погодина объ ихъ горячей въ нему привязанности, поэтому и сталъ къ нимъ ближе.

Аксаковъ приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ этого времени, показывавшихъ, какъ мало еще понимали Гоголя въ это время. Въ 1839 году Аксаковъ былъ въ Петербургѣ, гдѣ у него было не мало знакомыхъ и прїятелей. „Во всемъ кругѣ моихъ старыхъ товарищей и друзей, во всемъ кругѣ моихъ знакомыхъ я не встрѣтилъ ни одного человѣка, кому бы нравился Гоголь и кто бы цѣнилъ его вполне. Даже никого, кто бы всего его прочелъ! О, Петербургъ, о, пошло-дѣловой Петербургъ!“ Онъ указываетъ, напр., своего стараго товарища, Владиміра Ивановича Панаева—литератора и члена російской академіи; но извѣстно, что этотъ литераторъ былъ самый старомодный, а членъ російской академіи именно и не долженъ былъ понимать Гоголя. Негодованіе на Петербургъ было однако совершенно напрасно. Въ Москвѣ Аксаковъ указывалъ совершенно такое же непониманіе у самаго подлиннаго москвича, Загоскина. На одномъ обѣдѣ въ Петербургѣ у прїятеля его Карташевскаго, гдѣ были литераторы и тайные совѣтники, шла рѣчь и о Гоголѣ. „Это были Калибаны въ пони-

маніи искусства“, — замѣчаетъ Аксаковъ: „зная свою горячность, рѣзкость и неумѣренность въ своихъ выраженіяхъ, я молилъ только Бога дать мнѣ терпѣніе и положить храненіе устамъ моимъ. Я ходилъ по залѣ съ Вѣрой и Машенькой ¹⁾, гдѣ однако были слышны всѣ разговоры, и удивлялся вмѣстѣ съ ними крайнему тупоумію и невѣжеству высшей петербургской публики, какъ служебной, такъ и литературной! Но и въ Москвѣ были люди, которые возненавидѣли Гоголя съ самаго появленія „Ревизора“. „Мертвыя Души“ только усилили эту ненависть. Такъ, напримѣръ, я самъ слышалъ, какъ извѣстный графъ Толстой-Американецъ говорилъ при многолюдномъ собраніи въ домѣ Перфильевыхъ, которые были горячими поклонниками Гоголя, что онъ „врагъ Россіи и что его слѣдуетъ въ кандалахъ отправить въ Сибирь“.

Это было уже въ Москвѣ. Аксаковъ прибавляетъ въ свое утѣшеніе: „въ Петербургѣ было гораздо болѣе такихъ особъ, которыя раздѣляли мнѣніе графа Толстого“. Но кто же ихъ считалъ?

Аксаковъ дѣлаетъ еще чрезвычайно любопытное замѣчаніе. Въ Петербургѣ ему случилось быть у Жуковского, у котораго жилъ Гоголь; послѣдній былъ занятъ и Аксаковъ говоритъ: „Я засидѣлся у Жуковского часа два. Говорили о Гоголѣ. Я не могу умолчать, несмотря на все мое уваженіе къ знаменитому писателю и еще большее уваженіе къ его высокимъ нравственнымъ достоинствамъ, что Жуковскій не вполне цѣнилъ талантъ Гоголя. Я подозреваю въ этомъ даже Пушкина, особенно потому, что Пушкинъ погибъ, зная только наброски первыхъ главъ „Мертвыхъ Душъ“. Оба они восхищались талантомъ Гоголя въ изображеніи пошлости человѣческой, его неподражаемымъ искусствомъ схватывать вовсе незамѣтныя черты и придавать имъ такую выпуклость, такую жизнь, такое внутреннее значеніе, что каждый образъ становился живымъ лицомъ, совершенно понятнымъ и незабвеннымъ для читателя, восхищались его юморомъ, комизмомъ, — и только. Серьезнаго значенія, мнѣ такъ кажется, они не придавали ему. Впрочемъ должно предположить по письмамъ и отзывамъ Жуковского, что онъ не понималъ Гоголя вполне“.

Мнѣніе оригинальное и весьма правдоподобное. Дѣйствительно, трудно себя представить, чтобы Жуковскій, сколько ни былъ онъ расположенъ къ Гоголю, понималъ общественное значеніе его произведеній въ томъ смыслѣ, какъ понимало его молодое лите-

¹⁾ Дочь Аксакова и дочь Карташевскаго, пріятельницы, и обѣ почитательницы Гоголя.

ратурное поколѣніе, а изъ стараго—такіе люди, какъ С. Т. Аксаковъ. Возможно, что въ этой мѣрѣ такого пониманія не было и у Пушкина, какъ предполагалъ Аксаковъ. Съ Гоголемъ вступалъ въ литературу совершенно новый элементъ, какого не знала предыдущая эпоха. Какъ ни велики были чисто поэтическія, художественныя достоинства Гоголя (какія въ полной мѣрѣ могли оцѣнивать его предшественники), въ его произведеніяхъ поражала еще глубокая нравственно-общественная мысль, которая въ такой силѣ еще не появлялась въ нашей литературѣ. Ничто въ прежней литературѣ, даже „Горе отъ ума“ съ его нѣсколько загадочнымъ выводомъ, не производило такого сильнаго общественнаго дѣйствія, какъ „Ревизоръ“ и „Мертвыя Души“. Защитники чистаго искусства могутъ настаивать на художественныхъ достоинствахъ этихъ произведеній; но уже тотъ восторгъ, съ какимъ Гоголь былъ встрѣченъ одною частью общества, стремившеюся къ общественному улучшенію, и то озлобленіе, какое почувствовали люди стараго порядка, преданные Гоголемъ суду общественнаго мнѣнія,—достаточно показываютъ, что кромѣ великаго художника въ Гоголѣ являлся, быть можетъ, не вполне сознательно для него самого, именно выразитель этого общественнаго мнѣнія, высказавшій суровое обличеніе господствовавшей испорченности и несправды.

С. Т. Аксаковъ рано почувствовалъ въ Гоголѣ именно эту сторону его значенія, какъ рано почувствовалъ и развитіе того направленія, которое повело къ изданію „Переписки съ друзьями“. По мнѣнію Аксакова, это направленіе грозило художественному дарованію Гоголя,—какъ это дѣйствительно и было. Аксаковъ замѣчалъ это на письмахъ Гоголя, гдѣ сталъ появляться тонъ аскетическаго правоученія, душеспасительнаго руководства надъ душами своихъ пріятелей, смиренныя и вмѣстѣ крайне высокоумныя выраженія о самомъ себѣ, о высшей власти, направляющей его путь, и т. п. Еще рассказывая о времени около 1843 года, С. Т. Аксаковъ пишетъ:

„...Рѣшительно не знаю, какія житейскія дѣла могли отнять у Гоголя время и могли мѣшать ему писать? Мнѣ кажется, эта помѣха была въ его воображеніи. Я думаю, что Гоголю начинало мѣшать его религиозное направленіе. Впрочемъ, это слово не выражаетъ дѣла; это собственно не религиозное, а нравственно-наставительное, такъ сказать, направленіе. Гоголь, погруженный безпрестанно въ нравственныя размышленія, начиналъ думать, что онъ можетъ и долженъ поучать другихъ и что поученія его будутъ полезнѣе его юмористическихъ сочиненій. Во всѣхъ его

письмахъ тогдашняго времени, къ кому бы онѣ ни были писаны, уже начиналъ звучать этотъ противный мнѣ тонъ наставника. Въ это время сошелся онъ съ гр. А. П. Толстымъ, и я считаю это знакомство рѣшительно гибельнымъ для Гоголя. Не менѣе вредны были ему дружескія связи съ женщинами, большею частью высшаго круга. Онѣ сейчасъ сдѣлали изъ него нѣчто въ родѣ духовника своего, вскружили ему голову восторженными похвалами и увѣреніями, что его письма и совѣты или поддерживаютъ, или возвращаютъ ихъ на путь добродѣтели. Нѣкоторыхъ я даже не знаю и назову только Віельгорскую, Сологубъ и Смирнову. Первыхъ двухъ, конечно, не должно смѣшивать съ послѣдней; но высокость нравственнаго ихъ достоинства, можетъ быть, была для Гоголя еще вреднѣе: ибо онъ долженъ былъ скорѣе имъ повѣрить, чѣмъ другимъ. Я не знаю, какъ сильна была его привязанность къ Сологубъ и Віельгорской; но Смирнову онъ любилъ съ увлеченіемъ, можетъ быть, потому, что видѣлъ въ ней кающуюся Магдалину и считалъ себя спасителемъ ея души. По моему же простому человѣческому смыслу, Гоголь, не смотря на свою духовную высоту и чистоту, на свой строго монашескій образъ жизни, самъ того не вѣдая, былъ нѣсколько неравнодушенъ къ Смирновой, блестящій умъ которой и живость были тогда еще очаровательны. Она сама сказала ему одинъ разъ: „Послушайте, вы влюблены въ меня“... Гоголь осердился, убѣжалъ и три дня не ходилъ къ ней. Все это надѣлала продолжительная заграничная жизнь внѣ отечества, внѣ круга пріятелей и литераторовъ, людей свободнаго образа мыслей, чуждыхъ ханжества, богомольства и всякихъ мистическихъ суевѣрій. Впрочемъ я считаю, что ему также была очень вредна дружба съ Жуковскимъ, котораго безъ сомнѣнія погубила также заграничная жизнь“.

До сихъ поръ не выяснено, какія именно побужденія заставляли Гоголя прожить такъ долго за границей. Въ первое время могло быть, что онъ желалъ уединиться и избѣжать той вражды, которую поднялъ противъ него „Ревизоръ“ и которая повидимому его тяготила, и найти спокойный досугъ для работы надъ „Мертвыми Душами“; но послѣднее продолжительное пребываніе за границей не находитъ и этого объясненія. Онъ работаетъ надъ второю частью своей поэмы, и такъ какъ по самому первоначальному плану этого произведенія оно должно было стать картиною разнообразнѣйшихъ сторонъ русской жизни, письма Гоголя кромѣ нравоучительныхъ разсужденій, писанныхъ точно отшельникомъ или схимникомъ, наполняются просьбами о высылкѣ

ему всякаго рода свѣденій о русской жизни (онъ напр. настойчиво просилъ о высылкѣ ему статистическихъ свѣденій, реестровъ сенатскихъ дѣлъ и т. п.): естественно должна была придти мысль, что вмѣсто того, чтобы изучать русскую жизнь по статистикамъ, живя въ Римѣ или на водахъ въ Германіи, гораздо лучше было взглянуть на нее на мѣстѣ,—тѣмъ больше, что и этихъ статистикъ высылали ему мало. Очевидно было притомъ, что когда на первомъ планѣ становился вопросъ о спасеніи души, прежнее свободное творчество неминуемо должно было подчиниться этой новой цѣли и при аскетическомъ самобичеваніи не было мѣста для юмора и сатиры. Большинство друзей Гоголя даже и не давало себѣ этихъ вопросовъ; едва ли не одинъ С. Т. Аксаковъ понималъ это и пытался противодѣйствовать направленію, которое считалъ гибельнымъ для таланта Гоголя; но временами и онъ подчинялся проповѣди Гоголя; и этого было довольно, чтобы послѣдній утвердился въ ней еще болѣе. Въ настоящее время издано многое изъ переписки Гоголя съ тѣми лицами, вліяніе которыхъ Аксаковъ считалъ особливо вреднымъ. Эти письма подтверждаютъ, что у Гоголя создавалась какая-то искусственная, натянутая атмосфера нравственной жизни, отъ которой могла бы освѣжить и освободить его только иная, болѣе реальная жизнь въ кругу людей съ живыми умственными и общественными интересами,—но Гоголь упорно избѣгалъ именно этого круга. На многихъ эта жизнь Гоголя въ послѣдніе годы производитъ впечатлѣніе положительнаго умственнаго разстройства; во всякомъ случаѣ въ ней было много ненормальнаго. Книга Аксакова при всемъ величайшемъ интересѣ ея свѣденій, драгоценныхъ для будущаго біографа, не разрѣшаетъ этого вопроса. Аксаковъ старался доказать одно—полную искренность Гоголя; но если и счесть ее доказанной, остается неразъясненъ тотъ процессъ, какимъ авторъ малороссійскихъ рассказовъ, „Шинели“, „Записокъ Сумасшедшаго“, „Ревизора“ и первой части „Мертвыхъ Душъ“—превратился въ автора „Переписки съ друзьями“ и въ педантическаго аскета,—въ самомъ аскетизмѣ было нѣчто болѣзненное.

Въ приведенной выпискѣ видно недоумѣніе С. Т. Аксакова о томъ, что могло мѣшать Гоголю работать, когда онъ жилъ за границей. Что онъ тамъ все-таки работалъ, это извѣстно; но по всей вѣроятности работа не поглощала всего его времени: чѣмъ же оно было наполнено? Этотъ періодъ жизни Гоголя за границей еще потребуетъ внимательныхъ изслѣдованій будущаго біографа. Едва ли сомнительно, что долгая жизнь за границей не познакомила его съ западной жизнью; нигдѣ не видно, чтобы

онъ приобрѣлъ какое-либо ясное понятіе о внутренней жизни и литературѣ итальянской, о литературѣ французской или нѣмецкой; у него, кажется, не явилось въ этомъ никакого интереса, — хотя онъ и высказывалъ осужденіе западной жизни. Повидимому онъ вращался только въ тѣсномъ кругу своихъ русскихъ знакомыхъ, съ которыми вмѣстѣ иногда переѣзжалъ изъ города въ городъ. Любопытно, что въ семействѣ Аксаковыхъ, какъ видно изъ настоящей книги, являлось впечатлѣніе, что благочестіе Гоголя получало какую-то католическую складку.

Удаляясь за границу, Гоголь какъ будто хотѣлъ убѣжать отъ русскаго общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ какъ будто убѣгалъ и отъ самого себя; между прочимъ онъ самъ говорилъ не однажды, что всего лучше чувствуетъ себя въ дорогѣ, — т. е. вѣроятно когда смѣняющіяся мѣста и впечатлѣнія не даютъ мысли останавливаться на одномъ предметѣ. Но въ этомъ русскомъ обществѣ, часть котораго была къ нему такъ враждебна, было также множество людей совсѣмъ иного рода — вполне ему сочувствовавшихъ, и сочувствовавшихъ глубже и серьезнѣе, чѣмъ тѣ друзья, которые, по мнѣнію С. Т. Аксакова, въ сущности не умѣли понимать его: что удерживало Гоголя отъ сближенія съ ними; отчего, желая изобразить русскую жизнь — хотя бы съ его новой нравственно-христіанской точки зрѣнія — онъ не старался увидѣть ее самъ и думалъ, что можетъ изучить ее, собирая свѣденія по клочкамъ въ письмахъ пріятелей? Во всемъ этомъ остается донныѣ много необъясненнаго.

Но объясненіе было бы въ высшей степени интересно именно потому, что этотъ загадочный процессъ нравственныхъ колебаній и блужданія мыслей совершался въ писателѣ, имѣвшемъ глубокое вліяніе на весь дальнѣйшій историческій ходъ русской литературы, а съ нею и общественной мысли. Объясненіе внутренней исторіи Гоголя составило бы чрезвычайно любопытный эпизодъ во внутренней исторіи самого общества.

А. В—нъ.

